

*Свидетели
эпохи*

ЕКАТЕРИНА
БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ

*Скрытые корни
русской революции*

Отречение великой революционерки

1873—1920

**Екатерина Константиновна Брешко-
Брешковская**

**Скрытые корни русской
революции. Отречение великой
революционерки. 1873-1920**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617875

*Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки.
1873–1920: Центрполиграф; Москва; 2006
ISBN 5-9524-2001-X*

Аннотация

Воспоминания русской революционерки, сподвижницы Кропоткина, Чайковского, Желябова, Перовской и Синегуба, аристократки, вместе с единомышленниками «пошедшей в народ», охватывают период с 1873-го по 1920 год. Брешковская рассказывает о том, как складывалось революционное движение, об известных революционерах, с которыми она общалась в заключении. Она не только констатирует факты, но и с не угасшей революционной страстью осуждает политику большевиков, приведших страну в тупик после 1917 года.

Содержание

Предисловие	4
Посвящение	13
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	30
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Е. Брешко-Брешковская **Скрытые корни** **русской революции.** **Отречение великой** **революционерки. 1873–1920**

Предисловие

Жизнь Екатерины Брешко-Брешковской¹ можно назвать воплощением истории целого столетия. Она до сих пор жива и ведет политическую деятельность,² однако в ее памяти еще сохранилось то время, когда поход Наполеона на Москву был свежим семейным преданием. Ее старшие родственники были современниками декабристов. Первым политическим событием, отложившимся в ее сознании, стало поражение русской армии под Севастополем. Уже девушкой она вместе с отцом участвовала в подготовке к освобождению принадлежавших им крестьян от крепостной зависимости, а

---

¹ Екатерина Константиновна *Брешко-Брешковская*, урожденная Вериго, родилась в 1844 г., умерла в 1935 г. в Чехословакии.

² Предисловие написано в 1931 г.

вместе с мужем открыла первые земские школы и библиотеки в своем уезде. У нее на глазах разворачивалось все то, о чем помнили наши деды, и все, через что прошли наши отцы и мы сами.

Бросая из сегодняшнего дня взгляд на поток событий, в которых участвовали или которые засвидетельствовали Брешковская и ее политические единомышленники, как на звенья в цепи, которая вела к катастрофе – крушению империи, – именно в деятельности этих людей мы можем найти ключ к народной трагедии; исходя из их дел, мы способны определить место революционеров в российской истории более четко, чем это было возможно до переворота.

И прежде всего мы должны отдать должное нравственной высоте и исключительной готовности к жертвам, которой отличались русские революционеры – Брешковская и ее современники.

Идеал Чайковского,³ Кропоткина, Желябова, Перовской, Синегуба, Брешковской и прочих состоял в том, чтобы, выражаясь словами Лаврова из его «Исторических писем», «развивать человеческую личность в физическом, умственном и нравственном отношениях и воплощать истину и справедливость в социальных формах».

С этой страстью к установлению на земле высшей спра-

---

³ Речь идет о Николае Васильевиче *Чайковском* (1850–1926), одном из создателей в конце 1860-х гг. Большого общества пропаганды (кружка чайковцев), в дальнейшем члене партии эсеров.

ведливости и истины сочеталось стремление к испытательной жертве для облегчения ужасных страданий низших классов, столь характерное для того поколения революционеров, типичным представителем которых является Брешковская. «Нам казалось, — писал Чайковский, ближайший друг и соратник Брешковской, — что сама история возложила на нас миссию раскрыть людям истину, которая известна нам одним, и тем самым осуществить социальное чудо, освободив людей от страданий и унижений, чтобы иметь возможность сполна приобщиться к образованию и культуре. В этом состоял наш неискупимый долг перед народом — долг, требовавший от нас величайших подвигов во имя спасения народа».

В Западной Европе и Америке подобный идеализм у зрелых людей считался бы непрактичным, романтическим и, возможно, по-детски наивным. Но мы должны помнить, что глубочайшие и самые ужасные детские впечатления русской культурной молодежи из поколения Брешковской были связаны с крепостничеством. На их глазах одни русские продавали других — семьями и поодиночке, ради удовольствия подвергали их телесным наказаниям, насиловали молодых женщин и девушек, а иногда даже травили собаками. Именно подобные впечатления побуждали молодых юношей и девушек из известных и богатых помещичьих семей с таким энтузиазмом «идти в народ», чтобы искупить грехи своих отцов и дедов. И там, в революционном подполье, они нахо-

дили для себя моральное оправдание, работая рука об руку с детьми рабов, лишь вчера освобожденных от крепостной зависимости, и ведя борьбу с наследственными привилегиями своего класса.

Если крепостное право было опухолью, разъедавшей социальный организм России, то абсолютизм Николая I, доведенный до абсурдной степени, серьезно подорвал политический фундамент империи. Жестокое поражение под Севастополем, произошедшее вопреки всей доблести русской армии, произвело сильное впечатление как на Брешковскую в детстве, так и на все культурное поколение той эпохи. Севастополь стал первым тревожным сигналом не только для самодержавия, но и для всей России – сигналом о том, что время, отпущенное империи, истекает и что для спасения государства требуется конституционная реформа.

В шестидесятые годы, в самом начале «великих реформ» Александра II, практически все культурные люди России были единомышленниками – все желали прогрессивных перемен. В то время еще не разверзлась глубокая пропасть между революционерами, с одной стороны, и либералами – с другой.

Однако, как мы знаем, идиллический период великих реформ – освобождение крестьян, учреждение местного самоуправления, судебная реформа, введение всеобщей воинской обязанности, свобода печати – длился недолго. Имперское правительство, встревоженное добровольной деятель-

ностью прогрессивного общества и не желая объединить отдельные реформы принятием конституции, вскоре вступило на путь реакции. С самого начала семидесятых правительство Александра II – разумеется, действуя не так жестко, как во времена Николая I, – возобновило противодействие реформаторским порывам, даже в чисто культурной сфере, особенно тем, которые исходили от организаций и лиц, стремившихся насадить ростки грамотности и культуры в деревне, только что освобожденной от рабства.

В то время помыслы Брешковской не шли дальше легальной культурной работы в деревне. Вместе со своим отцом, мужем и их соседом Синегубом она всей душой отдалась организации школ, библиотек и больниц в своем уезде.

Но ни в земстве, ни на прилегающей территории Синегуб и Брешковская ничего не добились. Власти, встревоженные слишком быстрым распространением культурных учреждений в деревне, закрыли школы, основанные семьями Брешковских и Синегубов, и запретили им работать среди крестьян. Тогда-то и произошел раскол. Отец и муж Брешковской покорились правительству и остались лояльными либералами, а юная Екатерина и Синегуб долг перед народом поставили выше верности правительству. Они оба начали революционную деятельность, навсегда отказавшись от удобств и привилегий своего социального и экономического положения.

Раскол в семье Брешковской был типичен для прогрес-

сивного российского общества в условиях внезапного возобновления реакционной политики правительства. Не отрицая необходимости дальнейших социальных реформ, русские либералы поставили своей целью борьбу за конституцию в рамках монархии и исключительно методами легальной оппозиции. Революционеры же, не отрицая необходимости борьбы за конституционную реформу ради освобождения народа, планировали добиться ее путем насилия, направленного на достижение радикального социального переворота.

Я стараюсь быть объективным. Право на это мне дает прошедшее с тех пор время, а текущая ситуация в России обязывает к объективности. В те давние годы, в эпоху семидесятых и восьмидесятых, логика российской истории не совпадала с социальной программой, выдвинутой революционерами. В ту пору, несмотря на мрачные прогнозы Кавелина и некоторых других, возможность уберечь Россию от потрясений посредством конституционной реформы еще не была безвозвратно потеряна, хотя следует признать, что для реализации программы либеральных реформ был необходим чрезвычайно решительный революционный темперамент, но его-то ни у либералов, ни у среднего сословия и буржуазии в целом не наблюдалось вплоть до падения монархии в 1917 г.

Но хотя революционеры, друзья Брешковской, поставили перед собой утопическую цель вместо исторически достижимой, рациональной программы государственных реформ,

адаптированных к уровню экономического и политического развития России, они тем не менее обладали волей к борьбе и обостренной интуицией. Они питали глубокое убеждение, что невозможно создать ничего нового и что абсолютизм не победить, если не вовлечь в задачу государственного строительства и политического переворота широкие массы крестьян и рабочих.

Русские революционеры из числа единомышленников Брешковской и ее друзей, порывая со своим классом, жертвуя своим личным благополучием и отправляясь «в народ», понимали, что обречены на гибель. Они знали, что далек тот час, когда низшие классы выйдут на передний план русской истории. Уходя в политическое подполье, они в сущности оставляли всю область легальной политической борьбы на откуп либералам, которые верили в возможность мирного переустройства России посредством угрозы революции, а не самой революции. Такая угроза, исходящая из низов, была вполне реальна, если бы император отказался прислушиваться к мудрым советам умеренно консервативных кругов.

Революционеры не верили в возможность мирного исхода борьбы между традиционным абсолютизмом и потребностями новой России. Они не знали, но чувствовали, что времени им отпущено немного. Предвидя, что приближается конец старого режима, они спешили вести пропаганду среди рабочих и крестьян, чтобы интеллектуально подготовить их к неизбежному и величественному моменту, когда в хо-

де стихийной революции массы поднимутся не только на защиту своих политических прав и классовых интересов, но и на спасение самой России. «Мы считали первейшей необходимостью, – писал Чайковский незадолго до своей смерти в 1926 г., – поспешить с подготовкой наших преемников из числа самого народа. Отсюда подготовленные нами отряды промышленных рабочих, отсюда наше желание заразить их чувством долга и безграничной любви ко всему российскому народу, чтобы они сумели продолжить наше дело».

Однако было бы большой ошибкой считать, что все революционное движение подпитывалось таким высоким идеализмом и глубоким гуманизмом. С самого начала шестидесятых параллельно с идеалистическим движением, основанным друзьями Брешковской, в революции развивалось, как я бы сказал, реакционное направление. Реальным основателем этой аморальной тенденции к ненависти и разрушению был Сергей Нечаев, и прямым наследником его организации – нечаевцев – является Ленин, величайший реакционер нашего времени.

Но это реакционное течение в революции, представленное Нечаевым и Лениным, никогда бы не восторжествовало над движением Брешковской, Желябова, Чайковского, если бы Россия в 1914 г. не была втянута в мировую войну, которая и в экономическом, и в техническом отношении превосходила ее возможности.

Сперва казалось, что российская катастрофа, ставшая ре-

результатом сложного комплекса причин и последствий, свела на нет все плоды многолетнего труда российских либеральных и демократических партий. Но одно обстоятельство имеет колоссальное значение как памятник трудам Брешковской и ее соратников – а именно то, что будущее страны находится в руках трудящихся классов – крестьян, рабочих и интеллигенции, не имеющей классовой принадлежности. Брешковская и ее товарищи связали свою судьбу с судьбой низших классов, вложив в дело весь обширный капитал своей интеллектуальной и нравственной культуры. Таким образом в течение многих десятилетий они аккумулировали человеческий материал для строительства той России, которая призвана прийти на место традиционной монархической России.

Нет никаких сомнений, что после того, как нынешний эксперимент выдохнется, Россия продолжит развитие по принципам политической и социальной демократии, основы которых были заложены более полувека назад Екатериной Брешковской и ее товарищами.

А. Ф. Керенский

Посвящение

Для вас, мои друзья, мои внуки и внучки, я пишу эту книгу о духовной жизни русского народа. Читая ее, вы поймете, что у меня была возможность установить тесные отношения со всеми слоями населения нашей великой страны и было достаточно времени, чтобы познакомиться с психологией простого народа, а также привилегированных классов и интеллигенции. Под «интеллигенцией» я понимаю тех образованных людей, которые пытались ускорить тяжелый переход от старых, отсталых форм социальной жизни в России к новым, более гуманным условиям, лучше отвечающим требованиям нынешней эпохи.

Мне хочется порекомендовать вам, чтобы вы, читая историю нашего народа, видели в нем не бесформенное скопище марионеток, которыми управляют непонятные законы, а членов единого живого тела, наделенного уникальным духом, который оставил свой отпечаток как на позитивных, так и на негативных явлениях в истории России. Интеллектуально и духовно эти люди всегда отличались чувствительностью к внешним влияниям. Если их реакция не была такой быстрой и отчетливой, какой бы могла быть, то вовсе не из-за апатии, робости или природной глупости, а из-за полного невежества относительно внешнего мира – невежества, в котором эти люди продолжают жить и поныне. Это невежество, эта

«коварная темнота», как они сами называют нехватку знаний о науке и о том, как живут другие народы мира, нередко так далеко уводило русский народ не в ту сторону, что тому удавалось снова выйти на верный путь лишь ценой больших усилий и многих жертв.

Сейчас, в 1922 г., наш народ, столь физически и интеллектуально могучий и столь многочисленный, страдает и умирает в мучениях, каких никогда не испытывал никакой другой народ в мире. Но и на самом краю гибели, покинутый, ограбленный и порабощенный, русский народ прилагает все силы, чтобы вырваться из пучины бедствий. Вы ошибаетесь, если думаете, что русские люди переносят свои испытания и несчастья с безразличием, что они не осознают своего положения, не критикуют недавнего прошлого и не думают серьезно о ближайшем будущем. Мы знаем, что русские крестьяне, составляющие подавляющее большинство нашего народа, с самого начала противостояли большевистскому режиму. Сейчас их противостояние сменилось активной ненавистью, и в большевиках они видят мучителей и грабителей. Ни один народ не стал бы так долго выносить те притеснения, которым русские подвергаются безропотно. Они с удовольствием создали бы новую форму правления, но эта задача для них непосильна.

Вы не должны забывать, друзья мои, что российский народ состоит из нескольких сотен национальностей, разбросанных по огромной территории в Европе и Азии – терри-

тории, которая сейчас лишена всех обычных средств связи. Кроме того, им запрещено проводить публичные митинги и отказано в праве иметь национальные собрания. Короче говоря, в настоящее время русские люди лишены какой-либо организации и поэтому совершенно бессильны. Возможно ли без организации, без всеобщего просвещения предпринимать коллективные действия с целью выразить волю народа?

В таких обстоятельствах именно вы можете помочь. Долг младшего поколения интеллигенции – идти в народ, обучать его и внушать ему мысль о значении коллективных действий и необходимости национальных и международных организаций. Выполните свой долг. Именно вам предстоит возродить Россию и преобразовать ее в великую федерацию демократических республик.

Чтобы строить будущее, необходимо знать прошлое. Вы должны познакомиться с характером вашего народа, с его огромными возможностями и основными недостатками. Мой долгий опыт наполняет меня уверенностью в том, что русский народ – действительно великий народ с высокоразвитым чувством справедливости, который будет преданно стремиться к идеалу, даже если на этом пути его ждут трагедии.

Е. Б.

Прага, январь 1922

Часть первая

Хождение «в народ»

Глава 1

Киев, 1873 год

Уже в 1873 г. в Киеве возникла коммуна «интеллигентной молодежи». В нее входили студенты и девушки – учащиеся акушерских курсов. В то время в Киеве не было других женских курсов.

Сначала у нас были две большие комнаты и кухня в светлом, сухом полуподвале. В них жили я с моей сестрой Ольгой, Мария Александровна Коленкина, Фишер, Шпейер, С. Венецкий и, кажется, еще кто-то. Поскольку молодежное революционное движение было уже широко развито, в нашей маленькой коммуне одни люди постоянно сменялись другими. К нам заходили те, кто проезжал через Киев по пути из Одессы в Петербург и Москву и обратно. Киевская молодежь тоже нами интересовалась.

Одними из самых частых наших посетителей были Николай Судзиловский и его сестра Надежда. Судзиловский был странным, но способным и амбициозным молодым человеком и потому заметной фигурой в молодежной среде. В то

время он готовился к выпускным медицинским экзаменам. Экзамены он сдал благополучно, но диплома получать не стал. Будучи народником,⁴ он отказывался от всех привилегий и преимуществ, намереваясь работать в деревне фельдшером. Его судьба была совершенно иной, чем у прочей революционной молодежи. Во время массовых арестов, прокатившихся по всей России в 1874 г., он бежал за границу. Там он продолжил медицинское обучение, получил диплом и, вследствие склонности к перемене мест и кипучей энергии, лечил людей почти во всех странах Средиземноморья. Затем он уехал в Калифорнию, где долго работал, после чего купил плантацию на Гавайских островах, завоевал популярность среди туземцев и был избран председателем сената Гавайев. Много лет спустя мы получили его фотографии, снятые на плантации сахарного тростника. В настоящее время (февраль 1918 г.) он уже много лет живет в Нагасаки (Япония). Он активно участвовал в российском революционном движении 1905 г., издавая в Нагасаки русскую газету и печатая прокламации и памфлеты, которые успешно распространял среди военнопленных и переправлял во Владивосток для тамошних местных жителей. Во время второй великой революции Судзиловский писал мне, что с удовольствием бы вернулся в Россию, чтобы служить своему народу, но ему мешает нездоровье; а кроме того, привыкнув к жар-

---

⁴ Народниками в то время назывались молодые идеалисты, надеявшиеся, что пропаганда в народе поможет приблизить экономическую революцию.

кому климату, он боится холода. Он прислал мне довольно интересную книгу «Мысли вслух», в которой собрал свои наблюдения за разными сторонами жизни людей. Его вера в человека как носителя величайших духовных возможностей, присущих живому существу, нисколько не ослабла, а, напротив, только укрепилась. По его мнению, будущее человечества зависит от хода исторического развития. Эта книга была издана в 1916 г., и самое интересное в ней то, что автор явно предвидел бурные события последних нескольких месяцев. Он видел необходимость в создании федеративного союза великих держав, которые распадутся на части.⁵

Его сестра, Надежда Судзиловская, тоже очень рано покинула круг революционной молодежи – не потому, что ей грозили преследования, а из-за страха перед той ношей, которую пришлось бы взвалить на себя, решившись трудиться на благо других. Точно не помню, но кажется, она даже не окончила акушерских курсов. Она вышла замуж за студента, не пожелавшего участвовать в деятельности, не обещавшей никакой уверенности в завтрашнем дне.

Шпейер и Венецкий также пробыли с нами недолго. Венецкий стал храбрым и опытным военным врачом и отличился во время Русско-турецкой войны 1875 г. В 1878 г. он был свидетелем на «Процессе 193-х».

Фишера арестовали и судили вместе со всеми нами, но

---

⁵ После переселения на Гавайи Судзиловский стал известен как доктор Николас Расселл.

освободили из-под стражи. Позже он много лет был сельским врачом в Вологодской губернии и прославился своей общественной деятельностью.

Меня с сестрой, Ольгой Константиновной Ивановой, связывали узы величайшей дружбы. Она была душой и телом предана общему делу и служила ему всем, чем могла, но, прожив несколько месяцев в нашей коммуне, заболела и умерла. Она посещала акушерские курсы при университете Св. Владимира, и все ее бумаги хранились в канцелярии ректора университета, Бунге,⁶ исключительно честного человека и будущего министра финансов. В то время, как и во все периоды конспиративной деятельности, революционеры старались раздобыть подлинные документы и паспорта, поскольку многим приходилось прятаться и жить под вымышленными именами. В тот момент в таких документах нуждалась некая Е. Ширмер, и я попросила Бунге отдать мне документы моей покойной сестры. Подобная просьба была

---

⁶ Бунге был первым министром финансов при Александре III. Он всегда выступал за разумные административные реформы в интересах крестьянства. В 1886 г. он отменил подушный налог, оставив казначейство без источника крупных поступлений, и ввел систему налоговых инспекций, чтобы выяснить, какая налоговая ноша непосильна для населения. Кроме того, он основал Крестьянский банк для выдачи кредитов желающим увеличить свои земельные владения. Александр вскоре отказался от его либеральной политики, но Бунге сохранил свою должность и после того, как были уволены все прочие либеральные министры. В 1882–1886 гг. он успешно провел несколько важных фабричных законов, патерналистский характер которых привел к его отставке в 1886 г. по обвинению в «социализме».

необычна, но я получила их ценой некоторых хлопот и даже уловок.

Позже это привело к серьезной проблеме, когда многие из нас были арестованы и содержались в различных полицейских участках, и жандармы на одном из допросов в участке пытались выяснить адрес и образ жизни Ольги Ивановой у Сергея Филипповича Ковалика.⁷

«Зачем вам понадобилась Ольга Иванова? – спросил он. – Она давно умерла».

Жандармы были поражены, так как, согласно их бумагам, Ольга Иванова находилась под стражей. Личность арестованных не вызывала никаких подозрений. Но Ковалик:, не разобравшись в ситуации, снова и снова утверждал, что она мертва, и жандармы, проведя расследование, убедились, что он прав. Четыре года спустя, как раз перед судом над нами, когда нас содержали в Петропавловской крепости, Ковалик сообщил мне об этом случае, стуча пальцами по оконной решетке. «Больше я не дал никаких показаний, – закончил он свой рассказ, – но и этого хватило, чтобы нанести ущерб делу».

Ковалик был и остается таким интересным человеком, что умолчать о нем невозможно. Позже я расскажу о нем более подробно.

Из первых обитателей нашего подвала самым выдающим-

---

⁷ Друг детства госпожи Брешковской. Их семьи находились в очень тесных отношениях.

ся человеком, вследствие своих нравственных качеств, была Мария Александровна Коленкина, подруга моей сестры Ольги по курсам. Прежде я не встречала никого, более решительного и упорного в исполнении принятого решения. Ей превосходно удавалось все, что она начинала, но, будучи сдержанной и скромной, она оставалась в тени более шумных, самодовольных молодых людей, и лишь те, кому довелось участвовать вместе с ней в серьезных делах, могли ее полностью оценить. Она была одна из тех редких личностей, которые обязаны своим совершенством исключительно природным дарованиям и собственным усилиям с целью еще выше подняться по лестнице морального совершенствования.

В двадцатилетнем возрасте она приехала в Киев из Тетюха, маленького городка на Азовском море. Она происходила из небогатой купеческой семьи и получила домашнее образование. Изучая лучших русских писателей, она в совершенстве овладела родным языком, а чтение Некрасова, которого она знала наизусть, развило в ней страстное желание учиться дальше, чтобы служить людям.

Мария Александровна в то время была женщиной среднего роста, изящно сложенной, с правильными чертами лица и волнистыми золотистыми волосами. Она была весьма привлекательной, но притом очень замкнутой. Никогда, ни в шутку ни всерьез, она ни на кого не нападала первой, хотя всегда незамедлительно отвечала на любую шутку или заме-

чание товарищей в ее адрес. Она навсегда присоединилась к нашим революционным кругам и сначала была энергичной и видной работницей, но впоследствии судебные процессы и тяжелые болезни сильно измотали ее. Она отличалась непоколебимым сочувствием к правому делу и неизменной ненавистью к жестокости и несправедливости. Я лично очень часто встречалась с этой выдающейся женщиной.

Мы вели серьезную и спокойную жизнь. Две наши большие комнаты всегда были чистыми. Мужчины прибирались в своей комнате, а мы – у себя. Кроме того, наша комната служила столовой. Помимо комнат, у нас была кухня, где спала женщина, готовившая нам обед и кипятившая самовары. У нее была маленькая пятилетняя дочь, постоянно подражавшая взрослым. Поскольку наши студенты проводили все свое время за книгами, Танюшка тоже брала книгу и часами сидела неподвижно, делая вид, что читает.

После полутора лет странствий в поисках среды, в которой я могла бы проявить свои способности наилучшим образом, я решила осесть в Киеве. Я сожгла за собой все мосты и навсегда отказалась от условностей. Из старой жизни в новую я перешла одна.

Поскольку сейчас я жила с дорогими мне, но малообеспеченными людьми, было необходимо зарабатывать деньги. Я связывала свои надежды с педагогическими способностями, но не знала, как их применить, поскольку в Киеве у меня не было ни друзей, ни знакомых. Поэтому я не только помести-

ла объявление в газетах, но испробовала и другой способ. Я написала свое имя и предложение брать учеников на восьми листках бумаги. После этого, в два часа дня, когда из Фундуклеевской гимназии расходились ученицы, я смешалась с их толпой и раздавала листовки, прося девочек передать их родителям. Мой способ увенчался полным успехом – на следующий день ко мне стали приходить матери гимназисток и нанимали меня давать их дочерям уроки языка. Вскоре у меня было столько учениц, что пришлось отказывать новым желающим.

Через газету я получила предложение преподавать французский в частной школе для девушек из провинции, учившихся в киевских гимназиях. Эту школу основала молодая женщина, чей муж служил инженером во французской компании. Уроки представляли собой разговорную практику, и, чтобы не выделять для них специальное время, они обычно проводились во время обеда или после обеда в саду. Девочкам такой приятный способ учебы очень нравился. Они были старшеклассницами и быстро учились. Я была довольна, что наладила контакт с молодежью, и мало-помалу начала сопровождать объяснения правил грамматики беседами на социальные темы, указывая на резкие контрасты в жизни людей, вызывавшие столько ненависти и взаимного недоверия. Девочки, очевидно, пересказывали мои слова родителям, но никто не выказывал недовольства. Молодой инженер попросил меня позволить ему за особое вознагражде-

ние принять участие в наших уроках. Он объяснил, что его должность во французской компании обязывает его к хорошему знанию французского, и я не могла отказать ему, хотя жалела, что наши беседы стали более формальными. Однако вскоре я отказалась от этих занятий, так как они отнимали два часа в день, помимо долгого пути от университета на Подол, где располагалась школа. Хозяйка школы разозлилась на меня, вероятно, из-за того, что ей было жаль терять учительницу, которая давала двухчасовые уроки, стоившие по меньшей мере 75 рублей, за обед и 25 рублей. Но поскольку у меня было достаточно предложений и, следовательно, возможность выбирать, я предпочла давать уроки ближе к дому и там, где больше платят.

В промежутках между уроками я торопливо возвращалась в свой подвал, чтобы пообедать или выпить чашку чая, и всегда заставляла там двух или трех посетителей. Одним из самых частых гостей был некто П. Б. Аксельрод.⁸ Он был очень деятельным человеком, всегда готовым к новым, рискованным начинаниям. Он представил нам двух братьев Левенталь и сестер Каминер. У Судзиловского и других студентов были свои друзья, которых они приводили с собой. Наш дом славился гостеприимством и свободой, киевская моло-

---

⁸ Вождь киевских лавровцев. Позже, в Швейцарии, он стал одним из организаторов «Группы за освобождение труда», созданной в 1883 г. Цель группы состояла в том, чтобы пробудить рабочее движение в России посредством издания и распространения книг и листовок. В 1898 г. эта группа была преобразована в Российскую социал-демократическую рабочую партию.

дежь любила его, и к нам часто приводили новых друзей и знакомых.

Пока что мы не вели у себя никакой реальной конспиративной работы, хотя постоянно шли разговоры на революционные и социальные темы. Однажды я застала у нас Аксельрода, обедавшего с неизвестным господином. После того как все ушли, Аксельрод, который в то время был членом киевского кружка чайковцев,⁹ таинственно и даже робко сказал мне, что своей властью приглашает меня на собрание делегатов организации Лаврова.¹⁰ Социально-политические теории Лаврова служили основой для учения Чайковского. Далинский, помещик из южной губернии, только что прибывший из-за границы, был отправлен в Россию проинспектировать все группы чайковцев на предмет практического приложения их сил к революционной работе. Аксельрод рассказал, что Далинского сопровождает студент из Одесского университета, некто Желябов,¹¹ и что собрание проводится в стро-

---

⁹ *Чайковцы* – группа интеллигенции, созданная в начале 70-х гг. в Петербурге для распространения социальных идей в массах. Свое название она получила по имени одного из своих членов, Чайковского. Позже аналогичные группы были основаны во многих частях России.

¹⁰ П. Лавров возглавлял тех, кто выступал за политику постепенного обучения крестьян революционным идеям, в противоположность Бакунину, призывавшему к немедленным действиям. И тот и другой много лет прожили в изгнании в Швейцарии.

¹¹ Андрей Желябов был самым видным вождем революционеров в конце семидесятых. Он организовал и возглавлял группу заговорщиков, совершивших убийство Александра II, и был казнен в 1881 г. вместе с Софьей Перовской, Ры-

жайшем секрете. По его словам, на собрании будут присутствовать исключительно чайковцы, и ему стоило изрядных трудов добиться разрешения привести меня. Иван Федорович Рашевский и его друг Эмме, самые выдающиеся чайковцы в Киеве, которые тоже знали меня, но не обладали энтузиазмом Аксельрода, возражали против моего присутствия. Я сама не приняла бы приглашение, если бы не настойчивые уговоры Аксельрода. Во-первых, я не думала, что речь пойдет о таких делах, для которых требуется особое мужество, и поэтому чрезмерная секретность встречи мне не нравилась. Во-вторых, меня не привлекала перспектива долгой ночной прогулки после дня тяжелой работы. Но Аксельрод ждал меня, и мы отправились по темным улицам на встречу с неизвестностью. Аксельрод предупредил, что собрание состоится в необставленном и необитаемом доме.

После долгого пути мы остановились у дома, окруженного строительными лесами. Перешагивая через доски и бревна, вошли в угловую комнату, ремонт в которой почти закончился. Вероятно, тут жили рабочие, так как в комнате был стол, сбитый из досок, и несколько скамеек. Нас встретили Эмме, Рашевский, Далинский и высокий, цветущий, черноволосый молодой человек с большими, живыми, даже веселыми глазами. Это был Андрей Желябов. Он был самым молодым из нас и относился ко всем прочим с заметной почтительностью. В то время он только начинал свою революцион-

ную карьеру, очевидно, считал себя неопытным и стремился лишь к тому, чтобы участвовать в движении, не претендуя на руководящую роль в нем.

Далинский привез с собой из-за границы вопросник, и дискуссия должна была вестись на его основе. Я забыла большинство вопросов и сколько их всего было. Однако один вопрос я помню очень хорошо, так как мы разбирали его подробно. Заграничная организация запрашивала своих российских товарищей, считают ли они необходимым наряду с революционной пропагандой заниматься также преподавательской работой и не полагают ли они, что основание школ в деревнях и малых городах должно стать обязательной частью их программы.

Эмме и Далинский думали, что революционеры не должны заниматься чисто просветительской деятельностью, поскольку преподавание в школах для детей отнимает много сил и дает малую отдачу вследствие общего невежества населения. Но я, никогда не терявшая тесный контакт с массами, знала, с какой жадностью они тянутся даже к самым элементарным знаниям. Я утверждала, что даже если мы, революционеры, не в состоянии открывать школы для детей крестьян, то мы должны по крайней мере просвещать всех способных детей более старшего возраста, насколько это в наших силах. Я полагала, что неграмотному народу очень трудно привить наши социалистические взгляды и нашу решимость покончить с монархией. Аксельрод, часто разде-

лявший мои взгляды, соглашался со мной, и на вопрос дали утвердительный ответ. Было сочтено желательным учить детей старшего возраста.

Встреча продолжалась долго. Ораторы говорили медленно и с запинками, и две пылкие головы – моя собственная и Аксельрода – устали и постепенно стали клониться. В конце концов мы погрузились в такой глубокий сон, что товарищи разбудили нас только на рассвете. Нам было очень стыдно, особенно когда мы узнали, что наши товарищи приняли множество резолюций по разным вопросам. Нам зачитали эти резолюции, в числе которых значилась и рекомендация всем группам чайковцев создавать школы для подростков.

Еще до того, как мы постыдно уснули, Аксельрод с восхищением рассказал нам о происхождении Желябова. Он был сыном крепостного в поместье богатого южного землевладельца и провел детство среди дворовых как казачок. Теперь же он учился в Одесском университете. В то время это было крайне необычно и вызывало у народников не только внимание, но также удивление и восторг. Крепостной мальчик, ставший студентом университета, представлял собой неопровержимое доказательство того, что наш народ достоин усилий и жертв, понесенных, чтобы поднять его интеллектуальный и духовный уровень. Это было 44 года назад, но я как сейчас вижу перед собой энергичную фигуру Андрея и его красивое лицо, лучащееся счастьем. Вероятно, наше восхищение его несколько поражало, однако он был явно до-

волен, видя искреннюю радость, с которой «интеллигенция» приветствовала и принимала в свои ряды выходца из самых низов народа. Роль, которую играл Желябов в организации народников, была плохо известна полиции, и, когда он был схвачен во время массовых арестов 1874 г., его вскоре отпустили под поручительство и поселили под надзором полиции поблизости от Одессы.

Глава 2

Чайковцы. Петербург, 1873 год

При описании событий, случившихся более сорока лет назад, невозможно восстановить прошлое во всех подробностях. Имена, даты и многие характерные черты людей позабылись. Легко ошибиться с датой появления на сцене кого-либо из товарищей. Затруднительно сохранять точность даже в описании собственных перемещений. По крайней мере, мне это не по силам. Но я прекрасно помню, что все обитатели нашего подвала вели трудолюбивую, серьезную и мирную жизнь. Наш круг быстро рос, а в непрерывных разговорах все более и более четко обрисовывалось, к какому типу работы склонен каждый из нас.

Организация революционных сил шла по всей России, и киевские революционеры отличались не меньшей энергией, чем их товарищи из обеих столиц. Пылкий темперамент южан сильно способствовал налаживанию общего дела, которое должно было вестись не только для народа, но и вместе с народом.

Кроме того, во всех главных центрах России преобладало мнение, что «интеллигенция» должна наладить тесные и непосредственные связи с народом. Процессы над карако-

зовцами¹² и особенно нечаевцами¹³ со всей очевидностью показали, что идет переход от чисто теоретической работы к прямому распространению этих теорий в массах. Именно по этой причине молодежное революционное движение в начале 1870-х гг. сводилось в основном к личной пропагандистской работе в деревнях и мастерских. И в столицах, и в самых глухих уголках молодежь, словно охваченная единым порывом, мечтала о том, чтобы установить тесные связи с трудящимся населением. Единственное отличие в подходе к этому вопросу состояло в том, что молодым людям не терпелось смешаться с народом с целью воспринять все крестьянские обычаи, почувствовать себя своими среди трудящихся и тем самым завоевать их доверие, в то время как более старые и опытные относились к революционной работе среди нового элемента более спокойно и старались собрать вокруг себя молодежь, которая могла бы здесь принести пользу.

Осенью того же (1873) года, в достаточной мере познакомившись с группой киевской молодежи, которая планировала принять участие в общем движении, я решила посетить Петербург, чтобы получить полное представление о та-

---

¹² Сторонники Каракозова, богатого юноши, который около 1860 г. решил обратить свое состояние на организацию кооперативов и распространение образования в массах. В апреле 1866 г., после ряда преследований, он совершил неудачное покушение на Александра II, был осужден и казнен. Именно после этого покушения Александр отказался от своей политики реформ.

¹³ Группа революционеров, суд над которыми привлек большое внимание в 1871 г.

мошной ситуации. Другие члены нашей коммуны предпочли остаться в Киеве, чтобы вербовать в свои ряды новых товарищей.

Итак, я покинула Киев и окунулась в бурную и напряженную петербургскую жизнь. К тому времени там уже шла систематическая организационная работа. Кружок Чайковского, служивший зародышем, превратился в крупную и мощную организацию со множеством центров. В этих центрах молодежь получала возможность приобрести теоретические и практические знания, а также проявить свои способности к пропаганде на фабриках и в мастерских. В Петербурге эта работа велась более целенаправленно и решительно, чем где-либо, и поэтому сюда за советом и руководством обращались молодые люди со всех концов России. Это было очень опасно, и требовалась строгая конспирация. Мне, никогда не жившей в столице, было бы трудно разобраться в этой многогранной и усердной деятельности, если бы я не приучила себя к наблюдению и к размышлениям над социальными проблемами.

Молодежи были интересны люди, долго жившие в провинции и принимавшие участие в работе земств¹⁴ и органи-

---

¹⁴ После освобождения крестьян возникла потребность в реформе местного самоуправления. Были созданы губернские и уездные земские советы (земства), состоявшие из выборных представителей дворянства, крестьян и горожан. Земства обладали полномочиями по налогообложению, в их ведении находились школы, дороги и больницы, и в целом они должны были способствовать экономическому благосостоянию народа. Работа в земстве представляла собой хоро-

зации учебных заведений, поэтому ко мне стали приходить гости и приводить с собой других. Кроме того, я нашла в Петербурге своих старых друзей – Ковалика и Каблица. Наконец, там я подружилась с Софьей Александровной Лешерн фон Герцфельд, которая впоследствии сыграла важную роль в наших сибирских процессах. Частым гостем у меня стал Лизогуб,¹⁵ которого я знала дома, еще ребенком. Сейчас он был студентом и пытался узнать, как самым полезным образом распорядиться своим большим состоянием. Он производил впечатление человека, искренне и серьезно преданного народному делу. Он нуждался в советах и инструкциях, но я старалась не говорить ему ничего определенного. Я считала, что с молодыми людьми надо вести себя осторожно, чтобы они испытали свои силы в разных областях, прежде чем делать окончательный выбор. Кроме того, я обычно старалась обойти стороной вопрос о финансах тех, кто собирался вступить в нашу организацию. Что касается Лизогуба, я не думала, что этот человек, проведя все детство среди богатства, в аристократическом окружении, действительно мог решиться всецело посвятить себя борьбе за права и благоденствие народа. Однако те, кто знал его впоследствии, и товарищи по процессу высоко ставили его благородство и мужество борца, погибшего раньше времени. Он не дожил до осуществ-

---

шую школу для общественных деятелей.

¹⁵ Богатый землевладелец, отдавший все свое состояние на революционное дело. Родственники в попытке спасти его деньги выдали Лизогуба полиции, и он был арестован в 1878 г.

ления хотя бы десятой части своих планов.

В разных частях города были основаны мастерские, где юные революционеры учились кузнечному, плотницкому или сапожному ремеслу. Некоторые из них попадали в обычные мастерские. Все они очень гордились своими успехами. Молодые женщины, особенно курсистки, искали работу на фабриках. Они радостно рассказывали нам о своих достижениях, о новых знакомствах, о любопытных сторонах жизни в новой среде. Тогда была зима. Они же летом готовились идти «в народ», хотя некоторым приходилось оставаться в городах, чтобы обеспечивать связь между разбросанными по всей стране товарищами и сообщать в несколько центральных организаций о том, что происходит в России.

Подготовка шла быстрыми темпами. Среди нас были те, кто вполне понимал, какую большую цену придется заплатить за то, чтобы вывести народ из тьмы, но в наших рядах царили спокойствие и собранность. Мои ровесники — их в массе молодежи было очень немного — знали от своих родителей, каким наказанием Николай Павлович подверг героев-декабристов. Мы рассказывали нашим юным товарищам, как помещики-«вольтерьянцы» неожиданно исчезали и больше не возвращались, как вольнодумцев бросали в Неву, привязав им на шею камень. За закрытыми дверями мы читали либеральные стихи графини Ростопчиной, Шевченко, Пушкина и других поэтов. Мы описывали наказания,

практиковавшиеся Третьим отделением.¹⁶

То, каким образом царь расправлялся со своими врагами, не имело значения. Значение имело то глубокое впечатление, которое эти рассказы производили на молодежь, укрепляя ее волю, и желание сражаться с деспотом не слабело, а только крепло. Я считала своим долгом предостеречь юных соратников от неизбежных опасностей, так как армия, готовая идти «в народ», действительно была очень молода. Большинство ее участников имело от 16 до 20 лет, остальные – от 20 до 25. Последних называли «стариками».

Все российское общество было возбуждено радикальными реформами, которые последовали за Крымской войной. Кроме того, большое влияние оказывали такие писатели, как Чернышевский, Добролюбов, Лавров и Писарев, сочинения которых воздействовали на читателей так же, как рассвет – на путника, заблудившегося в темноте. Молодые люди более или менее подсознательно устали от несправедливости и от безделья, и им не терпелось принять активное участие в социальных преобразованиях. Вследствие отсутствия должного руководства их воображение часто шло в неверном направлении и они растрачивали свою энергию на незначительные цели и поступки. Но вдруг перед ними открылось новое широкое поле деятельности, а вместе с ним – возможность максимально раскрыть свои силы. По крайней мере, на это они возлагали чрезмерные надежды и поэтому прикла-

---

¹⁶ Тайная полиция.

дывали всю энергию к ускорению работы, к тому, чтобы она принесла как можно больше плодов. Чайковцы за последние десять лет переводили и издавали все сочинения лучших европейских писателей, разрешенных в России в то либеральное время. По этим книгам учились группы молодежи как из гражданских, так и военных школ. Учащиеся Михайловского военного училища для своих занятий сняли комнату, где происходили оживленные дискуссии на исторические и политические темы. Изучалась также теория Дарвина. Позже из этих групп вышло много хороших ученых и общественных деятелей, но не все они могли спокойно работать в России, так как преследования день ото дня росли. Однако в то время, о котором я говорю, зимой 1873 г., маленькие группы разрастались в большие собрания, состоявшие не из единиц и десятков, а из сотен молодых людей, встречавшихся, как обычно, втайне. Комнаты для собраний больше не снимались: обычно они предоставлялись сочувствующими или группами товарищей.

Лично я не ощущала нужды в этих собраниях. Я полагала, что уже раз и навсегда нашла ответ на те вопросы, которые там поднимались. Я не любила произносить речи, отчасти из-за застенчивости, отчасти из-за того, что мои взгляды на революционную работу отличались от взглядов большинства. Чайковский, глубоко укоренившийся в Петербурге, основывал свою деятельность и пропаганду на учении Лаврова. Придавая большое значение образованию отдельных лиц,

чайковцы направляли своих сторонников в колею самообразования и выступали за просвещение масс в политических и общественных вопросах. Их методы были разумными, но чересчур медленными. Я, независимо от них, придерживалась этих методов в течение многих лет, так как жила в деревне и поддерживала постоянные контакты с крестьянами, как в их частной жизни, так и в связи с работой земства. Я хорошо разбиралась в обычаях и взглядах крестьян и понимала их психологию. Поэтому мне не нужно было идти к ним, чтобы изучать их образ жизни. Кроме того, я знала, насколько это трудно – почти невозможно – вести систематическую просветительскую работу в массах. Мои закрытые школы и неудачи моих сотрудников, высланных в северные губернии, служили красноречивым доказательством враждебности правительства по отношению к такой работе.

После многих размышлений и после того, как полиция пресекла мои последние попытки наладить обучение, я решила отказаться от своего призвания – от любимой мной созидательной работы, – чтобы посвятить свою энергию чисто революционным целям, а в случае необходимости и террористической деятельности, и попытаться преодолеть те препятствия, которые коренились в историческом прошлом русского народа. Так или иначе, я отчасти уже находилась вне закона, так как по приказу Третьего отделения я сама и моя переписка состояли под надзором полиции.

Таким образом, мои мысли и намерения отличались от

теорий Чайковского. Я склонялась к бакунистам, которые шли «в народ», пытаясь поднимать восстания в тех местах, где почва уже была подготовлена. За исключением немногих старших товарищей, молодежь не была настолько уверена в себе, чтобы взвалить на себя подобный долг, но Ковалик, мой друг детства, соглашался со мной, и мы начали подыскивать подходящих соратников. Однако, покоряясь срочному приглашению Веры Рогачевой, я отправилась на встречу, которую организовали чайковцы и бакунисты, намереваясь дать друг другу последний решающий бой. Вера Рогачева, или Вера Павловна Карпова, была семнадцатилетней девушкой, которая вступила в фиктивный брак с Дмитрием Рогачевым,¹⁷ артиллерийским офицером и сыном богатого помещика в Орловской губернии, чтобы освободиться из-под власти своего сурового отца. Она была склонна к опрометчивым поступкам, но отличалась щедрой и благородной душой.

Войдя в комнату, мы с трудом пробрались через плотную толпу молодежи. В середину комнаты нам не удалось протиснуться, пришлось остановиться неподалеку от входа. Комната была набита битком, как церковь на Пасху. Пришедшие едва вмещались в две довольно большие комнаты. Над толпой вился синий дым и медленно уходил в окно. Женщин было мало. Я решила молчать, но, когда Аполлон Ару-

---

¹⁷ Рогачев вместе с Кравчинским и Шишко, также артиллерийскими офицерами, основал в 1872 г. революционный кружок артиллеристов.

шин, ближайший друг Чайковского, начал энергично обличать планы «бунтарей», я пылко вмешалась и выразила свое мнение в резких словах. Мое выступление оказалось таким коротким и жестким, что больше говорить было не о чем.

Недовольная собой, я присоединилась к маленькой группе женщин. Вера поздоровалась со мной и сказала: «В первый раз женщина берет речь на наших собраниях». Я мысленно добавила: «И так опозорилась!»

Сразу же после меня заговорил Каблиц. Он тоже находился в сильном возбуждении. Лед был сломан; речи следовали одна за другой до поздней ночи. Толпа внимательно слушала. Никто не шумел. Табачный дым сгустился в плотные тучи. Молодежь уделяла ораторам пристальное внимание и напряженно думала. Расходились молча, так как требовалась большая осторожность.

Больше не приходя на крупные собрания, я стала бывать у молодых людей, которые жили и работали вместе, как и слушательницы Камынинских курсов – единственных курсов для женщин в Петербурге того времени. Меня в свою маленькую коммуну пригласила Евгения Судзиловская – высокая, серьезная девушка. Она была сестрой Николая Судзиловского и жила вместе с несколькими другими девушками на небольшой квартире. Я застала их за обедом, который состоял из соленых огурцов и каравая черного хлеба. Кипел жестяной самовар. На блюде лежало несколько кусочков сахара. Такой обед удивил меня, так как я знала, что у этих

девушек есть средства, чтобы питаться более прилично. Я привыкла к аскетичному образу жизни, который вели молодые люди, собиравшиеся идти «в народ», и сама его практиковала, однако, увидев большие желтые огурцы и грубый хлеб, внимательно осмотрела лица девушек; но они не носили следов лишений и даже были веселыми. Каждая из девушек уже выбрала, отправится ли она в деревню или пойдет работать на фабрику, и их разговор касался в основном этой темы. После обеда они собрали книги и ушли по своим делам – на занятия или на работу.

Кроме того, я посещала студентов в их мастерских. В одной из них работало несколько студентов и артиллерийских офицеров. Среди них выделялся благодаря своему облику и энергии Александр Осипович Лукашевич. У него были черные глаза, черные жесткие волосы, рыжая борода и крепкая мускулистая фигура. Неизменно серьезный и трудолюбивый, он производил впечатление человека, обладающего огромной физической и моральной силой, и таким оставался всю жизнь, хотя та была безжалостна к нему и наносила жестокие удары его принципам и этическим стандартам.

Молодые люди в заскорузлых синих блузах, с воротниками, мокрыми от пота, работали у горна огромными молотами или на верстаке изящными стамесками. Они учились ковке и вырезанию тонких рисунков и надписей для государственных и местных печатей.

Я провела в Петербурге два или три месяца и за это вре-

мя взяла на себя новую обязанность. Идея организованного террора, то есть покушений на жизнь царя, не умерла вместе с Каракозовым – ее пытались осуществить некоторые члены организации Нечаева.¹⁸ Вместе с ними я беседовала об использовании нитроглицерина, об ужасных последствиях таких взрывов, о возможности пронести взрывчатку в Зимний дворец и о возможном влиянии на правительственную политику, которое мог бы произвести успешный взрыв. Какой-либо определенной организации для осуществления этого плана не существовало, но эта идея продолжала жить. Особенно она заинтересовала Каблицу. Он был очень умным, амбициозным и самоуверенным человеком, в то время еще всецело преданным делу революции. Он тщательно прорабатывал детали предполагавшегося покушения. Каблиц решил использовать для взрыва часовой механизм и искал товарищей, которые бы помогли ему в осуществлении этих планов. Он знал меня раньше, когда я работала в земстве Омгинского уезда, и я с готовностью согласилась помогать ему, так как была решительной сторонницей продолжения борьбы против верховного правительства. Мы решили, что он останется в Петербурге для проработки последних деталей плана, а я с одним спутником отправлюсь «в народ» и организую восстание. Четвертая заговорщица, юная Цве-

---

¹⁸ *Нечаев* Сергей Геннадьевич (1847–1882) – идеолог революционного движения 1860–1870-х гг., сторонник радикально-террористических методов. Участники созданной им организации «Народная расправа» в 1869 г. зверски убили московского студента И. И. Иванова.

нева, умерла через два месяца после нашего соглашения, я же выбыла из игры, поскольку летом следующего года была арестована, и 22 года заключения не позволили мне принять участие в революционной деятельности в России.

Приближалась весна. В Киеве многие молодые люди мечтали присоединиться ко всеобщему движению и искали контактов с более опытными соратниками, которые бы организовали их и возглавили кампанию. Я уехала из Петербурга на юг. По пути я посетила поместье Горани в 15 верстах от Полоцка, принадлежавшее моему отцу. У меня появилась мысль, что я смогу превратить его в место встреч для революционных рабочих, но только безуспешно потратила целый месяц. После этого я отправилась в Киев.

Оказалось, что в Киеве многое успело измениться. Наша коммуна перебралась в симпатичный домик в несколько комнат на Жилянской улице. Свободных мест в доме почти не было. В коммуне появилось несколько новых лиц, которые основали в одной из комнат сапожную мастерскую. Там работали не молодые люди и не неофиты революционного учения, а такие люди, как Сергей Филиппович Ковалик, Владимир Дебагорий-Мокриевич,¹⁹ Фишер и некоторые другие. Им не терпелось выучиться ремеслу, чтобы чувствовать себя более уверенно при ведении пропагандистской работы. Моя

---

¹⁹ Один из революционеров семидесятых, который позже в своих воспоминаниях признавался, что планы, которые он разрабатывал с товарищами, были наивными.

сестра уже умерла, и главной в доме стала Мария Коленкина. Коммуну посещали как местные, так и заезжие революционеры. Здесь ночевали Вера Рогачева и ее подруга Таня Стрюцкая, направлявшиеся на юг, чтобы найти работу в деревнях. Они начали с того, что каждый день ходили в Лавру, где, в обмен на хлеб и жидкие щи, работали вместе с паломниками на монастырских огородах. Пытаясь привыкнуть к тяжелому труду, они работали без передышки и приходили домой усталые и обгоревшие на солнце. Выпив по чашке чаю, они падали на кровать и засыпали. На рассвете они снова отправлялись на работу в холщовых сарафанах.

Старший Левенталь и одна из сестер Каминер поступили на кирпичный завод. Они заставляли себя работать в таком же темпе, как и другие рабочие, и через неделю вернулись совершенно измотанные. Аксельрод и вторая из сестер Каминер постоянно приходили к нам, и мы говорили о том, что следует выбрать ремесло, более подходящее к нашим силам, отказавшись от тяжелой и сложной работы. Студента Лури тоже занимала эта проблема; видя, как легко крепкий, энергичный Ковалик управляет со своими инструментами, он спрашивал его совета всякий раз, как приходил к нам. Наконец Ковалик, потеряв терпение, спросил его:

– Вы хотите стать революционером?

– Конечно.

– Тогда вы должны знать, что это самая опасная из всех профессий, и по сравнению с ней все остальные очень лег-

кие.

Лури так ничему и не научился и эмигрировал при первых признаках настоящей опасности.

Сергей Кравчинский²⁰ также зашел к нам на пешем пути из Петербурга в Одессу. Он был артиллерийским офицером, другом Рогачева, и вместе с ним работал стряпчим в Тверской губернии. Он хотел более подробно ознакомиться с жизнью народа и, выучившись сапожному ремеслу, ходил от деревни к деревне с мешком за плечами, в котором хранил инструменты и провизию. Будучи членом кружка Чайковского, он сделал остановку в Киеве, чтобы повидаться с товарищами. Поскольку наш дом на Жилианской был известен всему революционному Киеву, каждый новоприбывший считал своим долгом посетить нас и ознакомиться с работой мастерской, которая производила огромное впечатление на молодежь. Во-первых, это предприятие выделялось своей новизной, а маленькая коммуна с радостью приветствовала всех новых гостей. Кроме того, ключевыми фигурами в этой коммуне были очень видные люди, такие, как Дебагорий-Мокриевич и Сергей Ковалик. Ковалик был очень умным человеком, полным энергии и природной внутренней силы. Он отличался исключительной памятью и сообразительностью и в то же время чудесной простотой в своем

---

²⁰ В 1878 г. Кравчинский убил Мезенцова, шефа жандармов. Позже он получил широкую известность за границей благодаря своим сочинениям, которые издавал под псевдонимом «Степняк».

отношении ко всем людям.

На Ковалика оказали влияние общее отрицание всего, что принадлежало к старому режиму, и небрежные манеры нигилистов пятидесятых годов. Он пользовался крепкими словечками, и его поведение порой было грубым; но все это сглаживалось его неизменной добротой и снисходительностью к слабостям товарищей. Он помогал в научных и общественных вопросах. Он поддерживал сомневающихся и тех, кому не хватало уверенности в себе. Он знал, как объяснить запутанные жизненные проблемы. Он не боялся утверждать, что невозможно осчастливить всех в такой сложной системе, как человеческое общество. Единственное рациональное решение – путь наименьшего зла. И во всех дискуссиях он неизменно придерживался остроироничного, но дружелюбного тона. Легко представить себе все обаяние этого 25-летнего революционера, который никогда не бравировал знаниями и своим превосходством. В этом отношении умный и способный Дебагорий представлял его полную противоположность. Он любил выставляться и насмехаться над другими, хотя и был энергичен и очень инициативен.

С утра до ночи к нашему домику тянулся непрерывный поток старых и новых знакомых. Мы получали много писем и газет и большое количество новостей со всей России. Шло обсуждение планов и организационных вопросов. Ковалик отправился в поездку по России, чтобы организовать молодежные группы для одновременного ведения кампании сре-

ди народа. В течение лета и осени он посетил более тридцати губерний и многочисленные учебные заведения. Он формировал отряды пропагандистов и проводил собрания в лесах и на островах. С помощью Порфирия Войнаральского²¹ он основал сапожную мастерскую в Саратове и устроил там большой склад литературы, которая присылалась из Москвы из типографии Ипполита Мышкина.

Дебагорий-Мокриевич также начал создавать кружок. Он намеревался отправиться на юг, в Подольскую, Волынскую и южную часть Черниговской губернии. Дебагорий знал эти места, и поскольку он говорил на украинском языке, то мог найти подход к местным жителям. С ним отправились Фишер, Шпейер и Стефанович.²² Стефанович пробыл в нашей коммуне очень недолго, но я сразу же заметила его. Он был неуклюжим, неухоженным светловолосым молодым человеком, молчаливым и замкнутым, и всегда внимательно следил за нами из своего угла. Он был сыном священника из Конотопского уезда, учился в семинарии, а позже изучал в университете медицину. Однако вскоре он нашел свое призвание в служении народу. До того как пристать к нам, он работал на сахарных заводах и приобрел облик настоящего рабочего. Эта деталь имела большое значение с точки зрения

---

²¹ Войнаральский пожертвовал все свое состояние на дело революции.

²² Яков Стефанович изготовил поддельный императорский манифест, который призывал крестьян поднимать восстание против чиновников, дворян и священников.

его товарищей, и ему сразу же предложили присоединиться к кружку, который создавал Дебагорий. Лето только что наступило. Передвигались они в основном пешком. У них была легкая одежда, самодельная обувь и прочие признаки мастеровых, ищущих работу. Их паспорта, тоже самодельные, были изготовлены в доме на Жилианской силами специалистов и любителей. Взяв с собой немного денег, они посещали заранее намеченные районы и, помимо прочего, заводили знакомства, которые впоследствии имели важное значение для жизни коммуны. Через три-четыре недели они вернулись в Киев.

В их отсутствие, а может быть, еще в их присутствие, произошло неожиданное событие. Аксельрод, вернувшись из очередной поездки, привез с собой молодую девушку. Как всегда полный энтузиазма, он описал ее нам в самых восторженных тонах. Ее мать, баронесса Польгевен, безжалостно преследовала девушку из-за ее стремления к свободе и неискоренимого желания вести простую жизнь, работать среди простого народа и нести пользу людям. Мы все были недовольны, но не могли ничего поделать. Нельзя же было выкидывать семнадцатилетнюю девушку на улицу, а возвращаться домой она отказывалась. Чтобы доказать свою готовность к любым жертвам, она стала подметать комнаты, и мы при всей своей досаде были вынуждены смириться с неизбежным — юная баронесса осталась у нас.

Чуть позже произошло куда более неприятное событие:

явился Ларионов.²³ Он был энергичным молодым человеком, утверждавшим, что находился в административной ссылке в Архангельской губернии из-за принадлежности к группе Нечаева и сбежал оттуда. Оказалось, что это тот самый таинственный друг, которого подобрал Дебагорий в своих скитаниях, и он произвел на нас плохое впечатление. Мы задавали осторожные вопросы о его прошлом и получали неясные, скользкие ответы. Мы сразу же прониклись к нему подозрением, но Дебагорий упорно утверждал, что Ларионов станет превосходным и ценным сотрудником.

---

²³ Ларионов позже предал свою группу на «Процессе 193-х».

Глава 3

Скитания по Украине, 1874 год

Примерно в то же время и я готова была тронуться в путь. Идти в одиночку не годилось, и пришлось взять с собой двух юных помощников. Одной из них была Мария Коленкина, собиравшаяся выдавать себя за мою племянницу. Готовясь к путешествию, она выучилась красить домотканую материю. Она же сделала крестьянскую одежду и паспорта для нас обеих. Вторым моим спутником был Яков Стефанович, мой «племянник» и сапожник. Ни моя Машенька («племянница»), ни я не могли бы выдавать себя за малороссиян, а так как мы собирались посетить Киевскую и Херсонскую губернии, то по паспортам числились и имели облик великорусских женщин. В паспортах значилось, что они выданы в Орловской губернии. Мы говорили на языке тех краев и собирались объяснять свои привычки и образованность тем, что принадлежали к дворовым, жили при своих хозяевах и многое узнали от них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.